

Горобец Мария

г. Санкт-Петербург, ГБОУ школа № 98, 11 класс

Рецензия на спектакль «Тварь», Новая сцена Александринского театра, режиссёр Никита Кобелев.

Донос

«Тварь», по пьесе В. Семеновского по роману Ф.К. Сологуба «Мелкий бес». Новая сцена Александринского театра, режиссёр Никита Кобелев, художник Михаил Кременко

На кого: на русскую действительность

От кого: от человека, в этой действительности живущего

Баснословно великая русская литература часто стала сталкиваться с современной действительностью, в которой служит одновременно и способом просветления, и сокрытия грехов. Такой уж сделали её люди, на ней же воспитанные. «Тварь» Никиты Кобелева – это небольшой, но твёрдый и концентрированный альманах русской жизни, в которой царит такое противоречие. Среди бюстов Толстого, Гоголя, Пушкина и Державина почему-то обитают самые настоящие твари. В первые же минуты спектакля в них зарождается какой-то внутренний бунт, и белые обои оказываются несколько раз с чувством забрызганы кофе. Так начинается всеобщее безумие. Очень кстати среди декораций возникает «шведская стенка» – она позволяет героям буквально лезть на стену.

Художник Михаил Краменко создал для персонажей лаконичное и стильное чёрно-белое пространство, не выражающее точно место действия, но легко мутирующее в сознании зрителя то в квартиру, то в школу, то в зал. Восприятие мира в чёрном и белом цветах отсылает к литературе, в которой ясна мораль, к нравственным идеалам, которые неведомы

большинству героев. Да и нужны ли они теперь кому-то, когда с приходом в литературу реализма в ней воцарилась серая мораль?

Представьте себе мир «Ревизора» и «Истории одного города», а в нём – форменный литературный карнавал. Нечто подобное и напоминает «Тварь», мир которой мог породить не только Сологуб, но и Салтыков-Щедрин – недаром последнего в спектакле часто цитируют. Вместе с учителем словесности Передоновым в постановку приходит насыщенный интертекст, неразрывно связывающий её с классической русской литературой. Более того, герои сами как будто живут в соседстве со знакомыми всем персонажами. За спиной учителя музыки Николая Рутилова (Степан Балакшин), друга Передонова, маячит тень Андрея из «Трёх сестёр» – образованного и благонамеренного по натуре человека, погибающего, правда, не от лудомании, а от пьянства. Его жена-полячка, слишком сдержанная для этого общества, страдает не только от пьянства мужа, но и от русской действительности, в основном от царящего в глубине душ русских людей всепрощения. Три сестры тоже, конечно, есть.

Среди них выделяется Людмила, тяжело переживающая смерть матери и отчаянно ищущая любви то в греховных объятьях Передонова, то в первородно искренней связи с гимназистом. Анастасия Пантелеева крайне чувственно передаёт любовную страсть, уже покалеченную, но до последнего не теряющую власти над девушкой. Две её родственницы тем временем противятся мышлению чеховских Прозоровых; в ответ на предложение уехать из неназванного богом забытого губернского города они цитируют своих литературных сестёр: «А куда? “В Москву, в Москву?” Нам и здесь хорошо!» У Передонова есть ещё один друг – печальный глазами учитель физкультуры Павлушка (Николай Белин), который своему другу предан тоже по-чеховски – как дядя Ваня профессору Серебрякову. Сожительнице Передонова Варваре Павлуша оказывает соответствующие «Дяде Ване» знаки внимания. Варвара обретает стальной внутренней стержень благодаря Янине Лакобе, обладательнице «Золотого софита» за

роль Фру Боркман. Она играет твёрдо, используя не столько чувства, сколько расчёт, и расчёт удачный. Героиня Янины Лакобы может находиться под гнётом только такого человека, как Передонов, который не остановится ни перед чем. Но и это смирение не длится долго: уже во втором акте Варвара руками Лакобы подчиняет себе Передонова.

Безумный учитель словесности Передонов, в свою очередь – одна из лучших работ Ивана Ефремова. В каждой его роли чувствуется бушующее внутри персонажа безумство, каждый этим безумством наделён. В Передонове эта черта раскрывается вовсю, Ефремов ясно даёт зрителю понять, что сумасшедшее чувство собственного превосходства управляет Передоновым даже тогда, когда никаких безумных действий тот не совершает. Со столь же завидным постоянством Передонова раздрают внутренние противоречия, которые в сочетании с безумством и эксцентричностью приводят его к трагическому финалу. Его эгоцентризм сравним с печоринским, одержимость графиней и её протекцией – германовская, счастье Передонова – гоголевско-шинелевское, а привычка поедать леденцы в хрустящих фантиках – откровенно гаевская. Он то припадает губами к стихам Державина и другим литературным шедеврам как к живительному источнику, то оправдывает ими свою злобу, зависть и корысть. Передонов – ядрёная смесь из всех литературных героев сомнительных моральных принципов, с которыми он знакомит детей.

Перевязанная верёвками интертекста история безумного преподавателя и сама прошла своеобразную литературную выдержку. В начале XX века Фёдор Сологуб, возводящий свои произведения на основе философии декаданса, выпускает роман «Мелкий бес», и мир впервые сталкивается с безумными глазами Передонова. Роман встряхнул с ног до головы своих читателей и породил понятие «передоновщина». Под самый занавес всё того же XX века, в 1999 году, театральный критик и драматург Валерий Семеновский на основе «Мелкого беса» написал пьесу «Тварь». За целый век созданная Сологубом история не устарела, а лишь обострилась.

Конечно, за это время народилось много новшеств. На ноги значительно твёрже встали сильные женщины, «эмансипе», такие, как Мария Осиповна Преполовенская. Она отрицает нежные чувства Павлуши, читает Ницше и продвигает его утверждение о смерти Бога, а добросовестности и традициям предпочитает бокал вина и любовь «де труа – минимум!» Эта женщина на карнавал в гимназии приходит в образе тургеневской девушки. Ольга Белинская в роли Преполовенской раскрывает весь свой потенциал искусительницы, который действует, прежде всего, на зрителей – ведь что может быть привлекательнее, чем свобода мысли!

Расцвела культура доносов. Передонов убеждает своего ученика настучать на товарищей, убеждая, что «доносчик мнит себя хорошим человеком», и вообще это дело благое. Позже директор гимназии предъявляет вышестоящему Его Превосходительству доносы всех на Передонова, доносы Передонова на всех, доносы всех на всех и, наконец, доносы всех на Его Превосходительство. У этого высокопоставленного лица даже имени нет, но на гимназистский карнавал он приходит в золотой короне. Ему представляют всех гостей, среди которых и «тургеневская девушка» Преполовенская. «Я такая же невинная, как и вы!» – говорит она. Вокруг них вьётся директор школы в образе Золотого петушка. Он, как любой уважающий себя педагог, ненавидит детство, отрочество и юность.

Мораль сей басни, казалось бы, понятна: все мы своего рода твари. На злополучном карнавале в гимназии появляется и Передонов, и не один – он приносит с собой монолог о великих русских писателях, перечислению фамилий будто нет конца. Наследие всех этих людей, их идеалы, больше никого не волнует. Всё благодушное, что было в их произведениях, загублено. А вся гниль и чернота только что явилась нам на сцене в безумных глазах учителя словесности. Она осталась даже после стольких лет, в то время как всё хорошее будто бы растворилось. Получается, остались только твари.

Самые разные по сущности люди заперты в одном очень шатком пространстве, в котором цветут их пороки и беснуются их демоны. Эта история о вселенской русской несправедливости как о константе, о бесконечном падении в бездну, и о том, что если очень долго в эту самую бездну смотреть, она начнёт нагло пялиться на тебя в ответ. Так писал Ницше, тот самый философ, который Бога убил. Хотя какая может быть философия, когда в схватке за жизнь у кучки безумцев выигрывает их собственное, коллективное бессознательное безумие.

В общем, доношу до Вашего сведения, что этот донос, похожий скорее на школьное сочинение, написан потому, что у меня сердце болит за моих сородичей, которые по каким-то глубинным нравственным причинам живут так. Как так? Как «так»?

И кому я вообще это пишу?